

ния. Нельзя сказать, что послекантовское развитие философской мысли достигло больших успехов в объяснении природы этих противоречий. О них оно как бы позабыло. Или же, скорее, отдалось им на милость, чтобы забыть.

В.Н. БРЮШИНКИН
(Калининградский университет)

Метапсихологизм Канта

В литературе, посвященной Канту и его философии логики, существует значительный разброс мнений по поводу решения Кантом проблемы соотношения логики и мышления. От признания Канта «сильным психологистом» до объявления его антипсихологистом. Поэтому следует разобраться в том, какова позиция Канта по отношению к проблеме психологизма в философии логики.

Чтобы дать ответ на поставленный вопрос, следует точнее обозначить проблему психологизма. В общем плане она формулируется обычно как проблема соотношения логики и мышления. Однако в ней различаются две составляющие: 1) вопрос возможности обоснования логики в терминах психологии, 2) вопрос о типе отношений между логическими процедурами, с одной стороны, и эмпирическими (психологическими) данными о мышлении – с другой.

Классический психологизм XIX века отвечал на эти вопросы следующим образом: 1) логика редуцируема к психологии и 2) логические структуры представляют собой подкласс психологических структур. Эту концепцию мы находим, например, у Джона Стюарта Милля. Антипсихологизм, возникший в своих радикальных формах в конце XIX – начале XX в. и связанный прежде всего с именем Г. Фреге и Э. Гуссерля, отвечает на эти вопросы следующим образом: 1) логика автономна, независима от психологии, 2) логические структуры не сообщают нам никакой информации о структурах мышления.

В своей работе «Мысль» Фреге говорит о ложности тезиса о том, что «в логике изучается психологический процесс мышления и те психологические законы, в соответствии с которыми он происходит»¹. Обоснование ложности этого тезиса Фреге получает из утверждения, согласно которому «в случае, когда нам необходимо установить, справедливо ли умозаключение, к которому этот (психический) процесс приводит, можно, вероятно, обойтись и без описания психического процесса»². Здесь можно заметить, что в посылке и следствии речь идет о разных вещах. В посылке говорится о том, что из психического процесса нельзя получить никаких данных для обоснования логической процедуры (умозаключения). А в следствии говорится, что неверен тезис о том, что логика сообщает нам какую-либо информацию о процессе мышления, что логические процедуры *не являются моделями* процесса мышления. Однако очевидно, что из первого второе по крайней мере не следует. Невозможность обоснования логических процедур в терминах психологии ничего еще не говорит о невозможности моделирования психологических процедур логическими. Математическое моделирование в социологии не свидетельствует о том, что теоремы математики обосновываются при помощи опросов об их верности.

Основная ошибка Фреге заключается в неразличении вопросов об обосновании и моделировании. Логические и психологические процедуры могут *обосновываться независимо* друг от друга, но могут сообщать друг о друге важную эвристическую информацию и даже служить *моделями* друг друга. Это просто другой вопрос, который и должен решаться независимо, на собственных эмпирических основаниях.

Я бы хотел разобраться, как выглядит позиция Канта в свете данных Фреге ответов. Каким образом отвечает он на сформулированные в начале статьи вопросы об обосновании и

¹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык / Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 18.

² Там же. С. 19.

логических процедур и моделировании ими мышления, и отличаются ли эти решения от решений, данных Фреге, — на них я попытаюсь дать ответ.

Для начала рассмотрим вопрос об обосновании. Во введении к трансцендентальной логике Кант следующим образом резюмирует свое обсуждение проблемы соотношения чистой логики и психологии: «Как чистая логика она не имеет никаких эмпирических принципов, стало быть, ничего не заимствует из психологии...»³. Более подробно разъясняются отношения между общей и чистой логикой и эмпирической психологией в «Логике Йеше»: «Некоторые логики предполагают в логике психологические принципы. Но вносить в логику такие принципы столь же бессмысленно, как черпать мораль из жизни. Если бы мы заимствовали принципы из психологии, т. е. из наблюдений над нашим рассудком, то мы и видели бы лишь, как совершается мышление и каково оно при разного рода субъективных затруднениях и условиях; следовательно, это вело бы к познанию лишь случайных законов. Но в логике стоит вопрос не о случайных, а о необходимых правилах — не о том, как мы мыслим, а о том, как мы должны мыслить. Поэтому правила логики следует черпать не из случайного, а из необходимого применения рассудка, которое находят у себя помимо всякой психологии. В логике мы хотим знать не то, как рассудок существует и мыслит и как он до сих пор действовал в мышлении, а то, как он должен действовать в мышлении. Она должна учить нас правильному, т. е. согласному с самим собой, применению рассудка»⁴. Этому высказыванию из «Логике Йеше» вполне можно доверять, поскольку по духу оно совпадает с подобными пассажами «Критики чистого разума».

Из приведенных высказываний следует четкий ответ на первый вопрос из нашей проблемы психологизма, вопрос об

³ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 3. С. 156-157.

⁴ Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 321-322.

обосновании: «Логика ничего не заимствует из психологии» – таков окончательный ответ Канта на первый вопрос из нашей проблемы психологизма. Ответ этот отрицательный – логика не может быть обоснована при помощи психологии. Здесь Кант полностью согласен с Фреге, если можно так выразиться.

Однако уже приведенные цитаты заставляют задуматься над кантовским ответом на второй вопрос из нашей проблемы психологизма. Во-первых, для последовательных антипсихологистов типа Фреге, и в особенности Лукасевича, неверно любое утверждение о связи логики с естественным мышлением человека, даже такое, о котором говорит Кант. Я имею в виду кантовское положение о том, что логика предписывает мышлению, как оно *должно* действовать, т. е. говорит о *нормативной функции* логики в мышлении. Для мыслителей типа Фреге и Лукасевича это верный признак психологизма. Как показало послекантовское развитие философии логики, подозрения Фреге и Лукасевича вовсе не беспочвенны. Пример Д.С. Милля свидетельствует о том, что признание нормативности логики вполне совместимо с концепцией психологизма, если только принять определенную теорию отношения фактов и норм, а именно теорию, согласно которой нормы сводимы к фактам, происходят из фактов на основе их обобщения. Подобные ассоциации, по-видимому, позволили Сьюзен Хаак отнести Канта к «сильным психологистам»⁵. Однако Кант не принимает указанную концепцию соотношения фактов и норм. Он является в этом плане строгим дуалистом и настаивает на том, что нормы возникают не на основе обобщения фактов, а исходят из анализа идей разума, т. е. в применении к логике имеют неэмпирическое, непсихологическое происхождение.

Таким образом, признавая нормативность логики, Кант не расходится с Фреге. Однако эти положения еще не определяют ответ на второй вопрос из проблемы психологизма.

Поскольку Кант явно не задавал вопрос о возможности моделирования процессов мышления в логике, то он и не дал

⁵ *Haack S. Philosophy of Logics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 238.*

на него явного однозначного ответа. Однако из текстов можно реконструировать некоторый ответ, даже, точнее сказать, два ответа на этот вопрос.

Первый ответ достаточно прост: «Науку ... об одной лишь форме мышления вообще мы называем логикой»⁶. Если логика сообщает нам нечто о форме мышления, то она тем самым сообщает нам определенную информацию о самом процессе мышления. Это первый и достаточно тривиальный ответ на наш вопрос. За этот ответ Кант и считался долгое время психологистом. Однако это по крайней мере не обычный психологизм. Дело в том, что Кант очень своеобразно толкует понятие «форма мышления». Я ранее назвал эту трактовку концепцией «пустоты» логических форм⁷. Логическая форма (форма мышления), по Канту, принципиально не связана с формой познания. Из многочисленных высказываний Канта по этому поводу приведу лишь одно из «Критики чистого разума»: «Как общая логика она отвлекается от всякого содержания рассудочного познания ... имея дело только с чистой формой мышления»⁸. Чистая форма мышления, таким образом, не связана с содержанием мышления, и следовательно, если чистая общая логика нечто говорит о форме мышления, то это еще не означает, что она говорит нечто о содержании мышления, т. е. собственно о процессах мышления. Отсюда мы можем заключить, что кажущееся психологическим содержание кантовского тезиса о том, что логика имеет дело с формами мышления, нейтрализуется его концепцией «пустоты» логических форм. Это позволяет нам заключить, что Кант не был психологистом в смысле Милля, например.

Однако в текстах Канта можно обнаружить и другой ответ на поставленный в проблеме психологизма вопрос. Этот ответ не столь очевиден и потребует некоторой работы по реконструкции взглядов Канта.

Когда читаешь тексты Канта после гегелевских текстов по поводу логики, то бросается в глаза одно существенное различие

⁶ Кант И. Логика. Пособие к лекциям. С. 320.

⁷ Брюшинкин В.Н. Парадигмы Канта: логическая форма // Кантовский сборник. Вып. 10. Калининград, 1985. С. 30-40.

⁸ Кант И. Критика чистого разума. С. 156.

(между прочими, конечно). Гегель относит формальную логику только к области рассудка. Кант же принимал совершенно другую концепцию. Так, уже в «Критике чистого разума» он говорит о том, что «общая и чистая логика ... представляет собой канон рассудка и разума»⁹, и упоминает ту «часть общей логики, которая составляет учение о чистом разуме...»¹⁰. Эти высказывания говорят о том, что Кант считал: чистая общая логика является наукой не только о правилах рассудка, но и о правилах разума; по крайней мере, разум должен подчиняться ее правилам, поскольку формальная логика представляет собой и канон разума также. Это учение было развито и закрепилось в «Логике». Во введении к «Логике» мы читаем: «Такую науку о необходимых законах рассудка и разума вообще ... мы называем логикой»¹¹. Далее он говорит о логике как «науке о необходимых законах мышления, без которых нет никакого применения рассудка и разума»¹², и, наконец, логика есть «наука о разуме ... так как ее правила почерпнуты не из опыта и так как она имеет своим объектом разум. Поэтому логика есть самопознание рассудка и разума...»¹³ – и так далее. Даже учитывая некоторую двусмысленность в кантовском употреблении терминов «рассудок» и «разум», все же отсюда недвусмысленно следует положение о том, что Кант считал логику наукой одновременно о правилах рассудка и разума и выделял в ней часть, составляющую учение о чистом разуме.

Действительно, во введении к «Трансцендентальной диалектике» мы находим раздел В. под названием «О логическом применении разума», где речь идет о теории умозаключений. Способность к умозаключениям Кант относит к деятельности разума и вообще формирует свой подход к разуму на основе теории умозаключений, заимствованной из традиционной логики.

По Канту, умозаключение является сложной деятельностью, в которой сочетаются деятельности рассудка, способно-

⁹ Кант И. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кант И. Логика. Пособие к лекциям. С. 320.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 322.

сти суждения и разума. Уже это говорит нам о том, что если мы хотим найти у Канта положение о способности логических форм сообщать нам некоторую информацию о деятельности мышления, то ее следует искать в той части логики, которая составляет учение о чистом разуме.

Вначале Кант рассматривает учение об умозаключении, как оно традиционно сложилось в логике его времени, т. е. рассматривает выводы из посылок, обосновываемых рассудком заключений через подведение частного знания под общее (то, что в современной логике и теории поиска вывода называется движением «сверху вниз»: от аксиом к теоремам, от оснований к следствиям). Однако упомянутый раздел введения к «Трансцендентальной диалектике» заканчивается постановкой новой задачи по отношению к умозаключениям, решение которой затем окажется парадигматическим по отношению к разуму вообще. Эта задача ставится Кантом следующим образом: «Если, как это нередко случается, вывод задан как суждение, чтобы посмотреть, не вытекает ли он из уже данных суждений, посредством которых мыслится совершенно иной предмет, то я ищу в рассудке утверждение этого вывода, а именно не находится ли оно в рассудке при определенных условиях согласно общему правилу» (3, 344). Даже поверхностное знакомство с процедурами поиска вывода, разработанными в современных теориях машинного доказательства теорем, показывает, что здесь ставится не что иное, как *задача поиска вывода*.

Действительно, Кант предполагает наличие суждения А, являющегося заключением, наличие некоторого множества «данных суждений» Г и спрашивает, имеется ли между ними отношение выводимости: $\Gamma \vdash A$? Это типичная задача поиска вывода. Правда, Кант налагает здесь еще одно ограничительное условие. Посредством посылок вывода должен мыслиться «совершенно иной предмет». Это требование можно на языке современной логики проинтерпретировать как условие, согласно которому множество свободных переменных, встречающихся в посылках, не должно иметь общих элементов с множеством свободных переменных заключения. Или фор-

мально: если $V(\Gamma)$ и $V(A)$ – множества свободных переменных Γ и A соответственно, то $V(\Gamma) \cap V(A) = \emptyset$.

Иначе говоря, Кант относит к логическому применению разума решение задачи поиска вывода, т. е. фактически расширяет понятие логической процедуры так, чтобы включить в него не только логические формы понятий, суждений и умозаключений (выводов), но и процедуры поиска вывода.

Однако это еще не все. Дело в том, что Кант считает парадигматическим для разума как раз решение задачи поиска вывода, только включая в нее наряду с поиском выводимости еще и поиск посылок (из множества Γ): «...Разум в своем логическом применении ищет общее условие своего суждения (вывода)... Так как это правило в свою очередь становится предметом такой же деятельности разума и потому должно искать условия для условия... восходя настолько, насколько это возможно, то отсюда ясно, что собственное основоположение разума вообще... состоит в подыскивании безусловного для обусловленного рассудочного знания, чтобы завершить единство этого знания»¹⁴. Это высказывание Канта свидетельствует о том, что он извлекает информацию о деятельности разума исходя из характера логических процедур поиска вывода. А это уже ответ на наш вопрос из проблемы психологизма. Логические процедуры поиска вывода сообщают нам информацию о процессе естественного мышления, в данном случае о деятельности разума. Таким образом, мы получаем утвердительный ответ на второй вопрос, составляющий проблему психологизма.

Однако еще остается вопрос о том, говорят ли нам логические процедуры, по Канту, что-либо о психологическом процессе мышления. Если оставаться на том понимании психологии, которое было свойственно Канту, то ответ будет весьма определенным и отрицательным. Дело в том, что Кант под психологией понимал эмпирическую психологию, пользующуюся в основном методом самонаблюдения. Об этом говорится, например, в «Логике Йеше». Деятельность разума тако-

¹⁴ Кант И. Логика. Пособие к лекциям. С. 346.

го рода не дана в самонаблюдении. Недаром сам Кант прибегает к уже разработанной в логике ее логической модели, чтобы раскрыть само существование такой деятельности. Таким образом, по Канту, такого рода информация, почерпнутая из логических процедур, не имеет отношения к тому, что он понимал под психологией. Однако в наше время психология значительно изменилась. На место эмпирической психологии в XX веке пришла психология теоретическая, заменившая метод самонаблюдения методом конструирования (теоретических моделей) мышления. Как показывает анализ этих психологических моделей мышления, они, как правило, представляют собой описания на естественном языке, обычно состоящие из двух «слоев»:

- 1) последовательность умственных действий субъекта по решению задачи,
- 2) множество детерминистских объяснений этих действий.

Слой психологической модели связан с последовательностью действий субъекта познания и поддается моделированию при помощи логических процедур поиска вывода. Этот «верхний» слой психологической модели может быть сопоставлен у Канта с тем, что он называет «трансцендентальным субъектом» и его действиями. Это отождествление позволяет нам заявить, что предложенная Кантом процедура, сходная с современными процедурами поиска вывода, моделирует деятельность разума, которая в современных терминах представляет собой «верхний» слой некоторой психологической модели мышления. Это завершает обоснование нашего тезиса о том, что Кант дает утвердительный ответ на второй вопрос из выделенной нами проблемы психологизма.

Остается только заметить, что приведенный в статье анализ показывает, что подход Канта к так поставленной проблеме психологизма удивительно напоминает то решение проблемы психологизма, которое было дано в моей программе метапсихологизма¹⁵.

¹⁵ См.: Брюшинкин В.Н. Метапсихологизм в логике // Вопросы философии. 1986. № 12; Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Гл. 2.